

МАЙЯ СОБОЛЕВА

Фритц Маутнер

Фритц Маутнер (1849–1923) считается основоположником той традиции в философии языка, которая оказала влияние на Л. Витгенштейна и через него на становление того направления аналитической философии, которое нацелено на исследование естественного языка.¹ Несмотря на это, он разделяет печальную участь тех философов, о которых многие слышали, но которых мало кто читал. Исторически это обстоятельство объясняется тем, что Маутнер не был профессиональным философом и ученое сообщество, отличавшееся в то время сословным мышлением, не восприняло всерьез его деятельность.

Маутнер родился в Горице, в Чехии. После окончания гимназии поступил на юридический факультет в Праге, но не окончил его. С 1876 г. он живет в Германии, где сначала работает театральным критиком в газете «Berliner Tageblatt» (до 1883 г.), затем сотрудничает с газетой «Schorer's Familienblatt» (до 1888 г.). С 1889 до 1991 гг. издает (совместно с Г. Ландауэром и О. Нойманом-Хофе) журналы «Германия» и «Литературный журнал». С 1895 по 1905 г. снова возобновляет контракт с «Berliner Tageblatt» и продолжает (с коротким перерывом) свою деятельность в качестве театрального критика. В 1905 г. после продолжительной депрессии Маутнер переезжает во Фрайбург, где становится членом Кантовского общества. Автор многочисленных эссе, романов, поэтических сборников, критических статей, философских произведений он зарабатывает, в основном, литературным трудом. С 1909 г. Маутнер живет в Меерсбурге, где женится во второй раз. В 1912 г. издает «Библиотеку философа». В 1915 г. собирается уехать из Германии и занять место профессора в организуемом в Константинополе немецком университете. После окончательного крушения этих надежд в 1918 г. он переживает очередной нервный срыв. В 1919 г. ему присваивают звание почетного гражданина Меерсбурга. В 1921 г. он ведет семинары по философии в меерсбургском отделении кантовского общества. Умер Маутнер 29 июня 1923 г. в Меерсбурге.

Ключевыми трудами Маутнера в области философии языка являются его трехтомная работа «Статьи к критике языка» (1901–1902), содержащая более двух тысяч страниц; статьи «Адъективный мир», «Субстантивный мир»

¹ E. Leinfellner-Rupertsberger, F. Mauthner, in: M. Dascal, D. Gerhardus. (Hg.), Sprachphilosophie. Berlin, New York. 1992. S. 495; E. Albrecht, Sprachphilosophie. Berlin. 1991. S. 80.

и «Вербальный мир», включенные в трехтомный «Философский словарь – новые статьи к критике языка» (1910–1911); статья «Критика языка», вошедшая в третье издание «Словаря», в которой подробно исследуются отношения между языком и мышлением; эссе «Язык» (1907), посвященное проблемам взаимоотношения языка и этнической психологии, а также вышедшая посмертно работа «Три картины мира» (1925).

Характеризуя в целом маутнеровский проект «критики языка», можно сказать, что он тематизирует язык преимущественно как инструмент познания и отражает позицию радикального скептицизма относительно возможности познания мира именно в силу обусловленности последнего языком. Вывод, которым Маутнер заканчивает первый том своих критических исследований языка, заключается в следующем: «Таким образом, именно язык сочиняет для нас стихи и думает, обманывает нас на некоторой высоте фата морганой истины или познания мира, отпускает нас на крутейшем склоне и кричит нам: “Я был плохим водителем! Освободись от меня!”»². Отсюда в качестве «высшей цели самоосвобождения» возникает задача освободиться от языка. Выполнить эту задачу призвана философия, которая должна стать критикой познания, и в этом качестве прежде всего – критикой языка.

Понимание критики языка как фундамента теории познания связано с отождествлением Маутнером мышления и языка. Лишь исследуя язык, можно в известной степени понять сущность мышления. Как он считает, «если бы мы обладали историей языка [...], то в ней мы имели бы также историю человеческого мышления или, скорее, историю различных способов мышления народа. Идеалом такой истории способов мышления народа была бы, в принципе, история человеческой души или человеческого мозга» [Mauthner 1982, 1: 639]. Однако такой проект – только желаемое, поэтому свои усилия Маутнер сосредоточивает на синхронном анализе языка. В поле его внимания попадают такие вопросы, как отношение между мышлением и языком, психология языка, законы его возникновения и функционирования, грамматика и логика, отношение языка и мышления к действительности и т. д. Поскольку затронутый им круг проблем необычайно широк, то мы реконструируем и рассмотрим только те его аргументы, которые объясняют его скептическое отношение к языку как средству познания.

Концепция языка как индивидуальной деятельности. Характеризуя в целом представления Маутнера о механизмах функционирования языка, можно сказать, что он понимает язык как индивидуальную деятельность по производству речевых актов на основании памяти. Основной постулат его концепции гласит, что «речь или мышление есть деятельность» [Mauthner 1982, 1: 517]. Это означает, что бытие языка состоит единственно в его использовании – не находя употребления, он умирает. Язык есть совокупность отдельных речевых актов, он существует только на протяжении речи, разговора, т. е. только в настоящем, которое приобретает в маутнеровской концепции характер длительности.

² F. Mauthner, Beiträge zu einer Kritik der Sprache. Bd. 1: Zur Sprache und zur Psychologie. Frankfurt am Main, Berlin, Wien. 1982. S. 713.

Отсюда следует, что такие понятия как «язык вообще» или даже «конкретный язык» являются лишь вводящими в заблуждение абстракциями [Mauthner 1982, 1: 18, 184]. Эти абстракции вызывают представление о том, что язык есть нечто материальное, существующее само по себе, тогда как на самом деле он обретает свою действительность «в воздухе. В народе, между людьми» в момент говорения [Mauthner 1982, 1: 19].

Стремясь подчеркнуть эту важнейшую особенность языка, Маутнер предлагает отказаться от понятия «язык» и заменить его на слово, обозначающее деятельность, на глагол «говорить» [Mauthner 1982, 1: 16]. Итак, язык не есть некая субстанция: «язык — не предмет потребления, также не инструмент, он вообще не является предметом, он есть не что иное, как использование. Язык есть использование языка» [Mauthner 1982, 1: 24].

Данное определение является фоноцентричным, из него следует, что язык есть прежде всего устная речь: «Конкретный язык — есть всегда только произнесенное слово» [Mauthner 1982, 1: 62]. Все остальные его формы — письмо, язык жестов, искусственный язык глухонемых и т. д. — являются производными от устной речи [Mauthner 1982, 1: 4, 213]. Такое представление подготавливает вывод о том, что «действительны только языки индивидуумов» [Mauthner 1982, 1: 185], что основной формой существования языка является *идиолект*. Идиолекты людей, принадлежащих к одному и тому же языковому сообществу, образуют отдельный этнический язык. Однако в силу того, что этнические языки существуют во времени и при этом постоянно видоизменяются, говорить о том, что они в качестве родного языка являются «общими» для некоей группы людей можно лишь в том смысле, в каком допустимо говорить об общем «горизонте» — «не существует двух людей с одинаковым горизонтом, каждый есть центр своего собственного (горизонта — М. С.)» [Mauthner 1982, 1: 19].

Совместный горизонт ограничивает пространство этнического языка, функционирующего на базе объединенных в группы относительно самостоятельных идиолектов, как пространство единой языковой «общественной игры» (*Gesellschaftsspiel*). Эта игра проходит по определенным правилам (*Regeln*), причем любое правило «становится тем более обязательным, чем больше игроков ему подчиняется» [Mauthner 1982, 1: 25]. Правила игры — логические, грамматические, синтаксические «суть признаки языка, они находятся в известной степени в самом языке» [Mauthner 1982, 1: 11], но актуализируются только в ходе межличностного общения. Как утверждает Маутнер, язык есть «социальная действительность» [Mauthner 1982, 1: 18, ср. 27, 29]; не может существовать язык «у одного единственного» человека, для того, чтобы он возник необходимо наличие, как минимум, двух партнеров [Mauthner 1982, 1: 29]. Тем самым он задолго до Витгенштейна оспаривает возможность существования «частного языка» и отстаивает его intersubъективную и диалогичную природу.

Итак, язык есть совокупность происходящих по определенным правилам речевых актов — или, по словам Маутнера, «движений», производящих звуки или языковые знаки, обладающие значением. Значение звуки получают благодаря связанным с ними представлениям, хранящимся в памяти, наличие которой является условием возможности языка: «Язык всегда есть дви-

жение звука, который является знаком какого-либо унаследованного или приобретенного воспоминания» [Mauthner 1982, 1: 199].³

Здесь важно отметить, что Маутнер различает индивидуальную и коллективную память. Именно индивидуальная память выступает как психологическое условие возможности языка; коллективная память — есть сам передаваемый по традиции язык: «Язык есть не что иное, как воспоминание, сумма воспоминаний человеческого рода» [Mauthner 1982, 1: 89; ср. 212, 663, также Mauthner 1982, 2: 263]. Причем, «очевидно, что перекрываются культура и язык народа. Язык есть вернейшее зеркальное отражение культуры [...]; язык есть сумма знаков памяти этой действительности» [Mauthner 1982, 1: 185]. Будучи коллективной памятью народа, язык представляет собой одновременно «общность или единство мировоззрения» [Mauthner 1982, 1: 25].

Язык как система объективного духа. Понимание языка как мировоззрения говорящего на нем сообщества приводит к интерпретации его как субъективно-объективного образования. Как пишет Маутнер: «Язык не является созданием объективного духа. Собственно, дух есть субъективное в человеке. В действительности факт, который грандиозно выступает как объективный дух, есть не что иное, как зависимость отдельного человека от языка, унаследованного им от сменяющей друг друга массы предков и имеющего для него потребительскую ценность только потому, что он находится в совместной собственности всех соплеменников» [Mauthner 1982, 1: 24].

В качестве объективного духа язык приобретает статус властной инстанции по отношению к индивидууму: поскольку он есть «социальная сила, то он властвует над мыслями отдельных людей» [Mauthner 1982, 1: 42; ср. 151]. Господство языка имеет многообразные проявления: во-первых, он «предоставляет опыту взрослого средство для примерной группировки и сообщения своих представлений» [Mauthner 1982, 1: 72], т. е., выражаясь современным языком, формирует лингвистическую компетентность индивидуума. Во-вторых, язык формирует представления о действительности, которые, к сожалению, зачастую оказываются неверными, как, например, в случае, когда, из наличия слова «deus» заключают о существовании бога [Mauthner 1982, 1: 173–174]. В-третьих, язык регулирует межличностные отношения в обществе и формирует поведение и взгляды людей. Яркими примерами этого являются, согласно Маутнеру, этика и эстетика, которые не только генетически представляют собой чисто «социальные явления», но, в сущности, оказываются особыми формами языка [Mauthner 1982, 1: 30–32].

Свойство языка воздействовать на индивидуальное сознание, в свою очередь, предполагает у человека как врожденную «способность к языку» [Mauthner 1982, 1: 4; ср. Mauthner 1982, 2: 701–707], т. е. то, что сегодня благодаря Н. Хомскому связывают с понятием коммуникативной компетентности,⁴ так и способность к обучению [Mauthner 1982, 1: 73 и далее; ср. Mauthner 1982, 2: 268 и далее]. Язык, таким образом, базируется на некото-

³ ср.: Mauthner 1982, 1: 16–17, 18, 201; F. Mauthner, Beiträge zu einer Kritik der Sprache. Bd. 2: Zur Sprachwissenschaft. Frankfurt am Main, Berlin, Wien. 1982. S. 10.

⁴ На сходство данных рассуждений Маутнера с идеями Хомского также обращает внимание Й. Кюн: J. Kühn, Gescheiterte Sprachkritik. Fritz Mauthners Leben und Werk. Berlin, New York. 1975. S. 85.

ром материальном *Argiōi*, к которому помимо данных способностей относится особое психо-биологическое строение человеческого организма. Последнее отвечает за его врожденную предрасположенность к определенным способам восприятия действительности и видам деятельности, или, говоря словами Маутнера, за «диспозицию» [Mauthner 1982, 2: 701]. Как он полагает, именно «наследование физических и духовных свойств объясняет нам простейшим образом наличие априорных понятий и различие априорности у животных и людей, у различных народов и различных индивидуумов» [Mauthner 1982, 2: 704]. Специфической для человеческого рода называется диспозиция к таким формам восприятия, как пространство, время и причинность.

Критика имеющихся понятий о языке. С позиций своей концепции, согласно которой язык реализуется в виде обеспечиваемого памятью функционального единства артикуляции, представлений и проч., возможного на базе материального *Argiōi*, Маутнер подвергает критике распространенные в его время представления о языке. Прежде всего, язык нельзя рассматривать как «произведение искусства», поскольку он не является творением одного единственного автора, а представляет собой общественный продукт [Mauthner 1982, 1: 26 и далее].

Кроме того, несостоятельна интерпретация языка как «организма», т. к. он не обладает субстанциальным, т. е. автономным и независимым от человеческого бытием [Mauthner 1982, 1: 28].

Также бессмысленны попытки логиков редуцировать язык к искусственному языку исчисления понятий. Суммируя возражения Маутнера по этому поводу, можно реконструировать три основных аргумента, на которые он опирается. Первый заключается в признании самой логики, «что наше естественное мышление работает с неясными, неопределенными и субъективными словами. Поэтому на протяжении тысячелетий она стремится к мышлению на основе математически точных слов, которые она называет понятиями» [Mauthner 1982, 1: 649–650]. Однако, как полагает Маутнер, «такое неестественное и сверхприродное мышление не существует в мире действительностей. Мы не имеем никаких других понятий, помимо наших бедных слов; они, хотя и стали отшлифованы тоньше и острее от поколения к поколению, но чистыми понятиями не будут никогда». На этом основании он заключает, что «логика — не наука, потому что ее предмет, понятия, есть только идеал» [Там же].

Вторым важнейшим аргументом против возможности создания универсального искусственного языка является тот факт, что каждый народ имеет свою картину действительности, и эти различные картины полностью не сводимы друг к другу: «различное внимание различных народов упорядочило каталог мира (*Weltkatalog*), и не только его или классификацию вещей, но также строение предложения или понимание отношений между вещами, исходя из различных точек зрения» [Mauthner 1982, 3: 445].

Третьим препятствием на пути создания символического языка является то, что логика сама нуждается в метаязыке, которым может быть только естественный язык: «Без такого возврата (*Rückbeziehung*) к языку любое логическое исчисление немислимо уже потому, что знаки в логике часто имеют

другой смысл, чем в математике, и эти различия можно прояснить только при помощи языковых примеров» [Там же].

Взаимоотношение языка и мышления. Ведущийся в науке спор о соотношении языка и мышления является, по мнению Маутнера, по большей части спором о словах, поскольку имеющиеся знания не позволяют пока дать ни точные дефиниции мышления, ни языка [Mauthner 1982, 1: 191; ср. 178, 226]. В результате, в зависимости от определения мышления можно утверждать либо, что оно обходится без языка, либо, наоборот, что оно невозможно без него. Сам Маутнер, однако, склонен отождествлять язык и мышление: «Неправда, что есть мышление без языка, т. е. без слов. Или правильнее: нет вообще никакого мышления, а только язык» [Mauthner 1982, 1: 176; ср. Mauthner 1982, 2: 661].

Согласно ему, «мышление и речь соединяются в понятии памяти» [Mauthner 1982, 1: 202]. Память каким-либо образом должна себя манифестировать, иначе невозможно было бы судить о ее существовании, и языковые знаки, прежде всего, артикулированные звуки, являются ее проявлением. Мышление по своей сущности есть «внутреннее сравнение знаков памяти» [Mauthner 1982, 1: 199], т. е. слов и понятий. Таким образом, язык как демонстрация памяти состоит из следующих слагаемых: «мышление плюс звуковой знак» [Mauthner 1982, 1: 214].

Характеризуя мышление, Маутнер говорит о двух его формах: рассудке и разуме, существенно отличающихся друг от друга. Рассудок он связывает, с одной стороны, с инстинктивной деятельностью организма, такой, например, как дыхание, и определяет его как «огромную сумму всех рефлексивных движений, которые наблюдаются уже у низших животных» [Mauthner 1982, 1: 638]. Деятельность рассудка направлена на приспособление организма к окружающей среде [Mauthner 1982, 1: 181] и на ориентацию в конкретной ситуации [Mauthner 1982, 2: 712]. Она непосредственно связана с деятельностью органов чувств и изначально служит для интерпретации предоставляемого ими материала: даже «простейшее зрение, слышание и т. д. являются, как мы теперь знаем, работой рассудка, истолкованием раздражений, которые только благодаря рассудку становятся ощущениями» [Mauthner 1982, 1: 181].

Другая сторона рассудочного познания состоит в том, что оно есть «непосредственное, осуществляющееся в данный момент познание внешнего мира» [Mauthner 1982, 2: 676]. Отличительной особенностью мыслительной деятельности рассудка является то, что она может протекать без языка и нуждается в нем только для выражения результатов: «Доязыковое мышление есть наблюдение, постепенное собирание сходств, внимание, тренировка памяти, которая продолжается до тех пор, пока новое знакомство не вызовет потребность закрепить его в знаке» [Mauthner 1982, 1: 217]. Способность человеческого рассудка обходиться при выполнении своих операций без языка Маутнер объясняет тем, что «эти деятельности рассудка бесконечно тренировались с тех пор, как на земле существуют организмы, и благодаря этому стали автоматическими» [Mauthner 1982, 1: 181].

В отличие от рассудка разум представляет собой «так называемое суждение или заключение посредством понятий, игру слов, так называемое мышление» [Mauthner 1982, 1: 644; ср. 649]. Другими словами, «дискурсивное мышление всегда идентично с языком» [Mauthner 1982, 1: 316; ср. Mauthner

1982, 2: 679]. Сущность разумного познания сводится к тому, что оно есть «субъективная функция ориентации посредством понятий» [Mauthner 1982, 2: 712]. Существенным признаком разумного познания является его обусловленность языком: оно всегда протекает на основе запечатленных в нем воспоминаний [Mauthner 1982, 2: 676]. Как унаследованный, так и приобретенный опыт отдельных индивидуумов, народов и всего человечества превращаются в настоящее *Argiōi*, определяющее характер познания [Mauthner 1982, 2: 701; ср. 714]. В этом месте Маутнер полемизирует с Кантом, предложившим теорию «чистого разума». Маутнеровский разум не является «чистым» и универсальным, а в силу его обусловленности языком всегда оказывается связанным с чувственным опытом, конкретным и особенным.

С качественными отличиями рассудка и разума коррелируют различия в выполняемых ими функциях. К сфере практической деятельности рассудка относятся точные и естественные науки. По мнению Маутнера, геометрические и алгебраические операции, механические вычисления и физические наблюдения, включая постановку и организацию эксперимента, — преимущественно дело рассудка, а не разума [Mauthner 1982, 1: 654–647]. Данное представление основано на убеждении в том, что «числа — не понятия», что «для чисел, по крайней мере, самых доступных, не требуются совсем никакие слова» [Mauthner 1982, 1: 646]. Также и «буквы алгебры и геометрии суть собственные имена, а собственные имена опять же не являются понятиями» [Mauthner 1982, 1: 647].

С рассудочной деятельностью Маутнер связывает возможность научного прогресса: «Все, что хочет стать наукой, должно быть воспринято посредством чувств и истолковано посредством рассудка. Слова ничему не помогают» [Mauthner 1982, 1: 648]. Роль языка в научном познании мира сводится лишь к тому, что он как память, как традиция гарантирует непрерывность передачи и накопления знаний. Отсюда следует также, что сам язык оказывается воплощением познания, даже самим знанием, несмотря на то, что он не способен его производить.

Физиологические особенности языка и его отношение к действительности. Одним из важнейших свойств языка является его связь с опытом, благодаря которой он становится «материалистичным», «чувственным», «психическим», «антропоморфным» [Mauthner 1982, 1: 235, 237]. Это приводит к тому, что он не в состоянии адекватно описать внешний мир, так что этот «мир в себе» оказывается принципиально непознаваемым: «Наш образ мира субъективен от своей нижней ступени, где мы можем только метафорически назвать ощущения языком, вплоть до тончайших абстракций мышления» [Mauthner 1982, 1: 416 и далее].

Среди доводов, обосновывающих скептицизм Маутнера относительно возможностей познания мира, выделим прежде всего следующие:

Во-первых, связь языка с чувственностью человека. Сенсуалистское понимание языка в концентрированном виде можно выразить формулой: «В языке не может быть ничего, чего не было бы в материале, доставляемом органами чувств». Именно такого взгляда придерживается Маутнер [Mauthner 1982, 1: 634]. Язык в этом случае понимается как своеобразная ответная реакция человека на внешние воздействия, как средство, служащее для

приспособления к окружающей среде и ориентации в ней. Он оказывается своего рода мостом, связывающим чувственный опыт человека и внешнюю действительность.

При отображении действительности языком происходит ее искажение, обусловленное специфическим строением человеческого организма. Прежде всего это связано с тем, что органы чувств, благодаря которым человек получает информацию о мире, представляют собой «случайный» продукт эволюции. Понятие случайности здесь следует понимать в том смысле, что допускается возможность того, что органы чувств могли сформироваться по-иному или имели бы другие пороги восприимчивости, в результате чего человек обладал бы другой картиной действительности. Например, Маутнер рассуждает о том, что человек не способен воспринимать радиоактивность или электрические волны [Mauthner 1982, 1: 252, 378 и далее], что его восприятие действительности отличается от восприятия ее другими живыми организмами [Mauthner 1982, 1: 330].

Это приводит его к убеждению в том, что «бесконечность движений действительности может дойти до нас только через узкие ворота наших случайных органов чувств, что все, что не может пройти через эти ворота, должно оставаться снаружи, что мы должны ориентироваться в нашем окружении при помощи наших пяти или шести случайных органов чувств (Zufallssinne)» [Mauthner 1982, 1: 35]. В этом случае «наше познание мира есть не что иное, как упорядоченная сумма того, что вошло в наше мышление и речь через наши случайные органы чувств» [Mauthner 1982, 2: 396]. Окончательный вывод Маутнера заключается в том, что человек всегда воспринимает только доступный ему ограниченный срез действительности.

Во-вторых, сомнение в возможностях языка адекватно описывать мир вызывает его принципиальная метафоричность. Метафору можно обнаружить уже на стадии «элементарного процесса апперцепции» [Mauthner 1982, 2: 462]. Ее функция состоит в переводе неязыкового в языковое, в переводе чувственных ощущений в артикулированные звуки, обладающие значением: «Язык, таким образом, осуществляет перевод из одной группы органов чувств в другую, и уже поэтому ясно, что человек своим языком не может выразить или описать непосредственное ощущение» [Mauthner 1982, 2: 659]. Отсюда следует, что «мы можем построить наш человеческий мир явлений только метафорически» [Mauthner 1982, 1: 302; ср. Mauthner 1982, 2: 29]. Как справедливо заметил Й. Килиан по поводу концепции метафоры у Маутнера: «Посредством метафоры человек приносит мир в язык».⁵

В-третьих, скепсис относительно познаваемости мира оправдывает то обстоятельство, что человек в своем языке организует мир «в соответствии со своим интересом» [Mauthner 1982, 1: 77; ср. 634; Mauthner 1982, 3: 230]. Это приводит либо к тому, что в сферу его внимания попадают различные области действительности, либо к тому, что он рассматривает их под разными углами зрения. О том, что прагматика действия представляет со-

⁵ J. Kilian, "...die Geschichte ist die wahre Kritik jedes Worts". F. Mauthner und die klassische Semasiologie, in: W. Henne, Ch. Kaiser (Hgg.), Fritz Mauthner – Sprache, Literatur, Kritik: Festakt und Symposium zu seinem 150. Geburtstag. Tübingen. 2000. S. 127.

бой важный фактор познания, свидетельствуют, в частности, картины мира, создаваемые этническими языками. По словам Маутнера, они представляют собой различные «ситуации интереса».

В-четвертых, язык есть память, каждое его слово, по сути, является знаком воспоминаний [Mauthner 1982, 1: 419]. Маутнеровское определение языка как «суммы уже-известного и уже-виденного»⁶ исключает возможность прямого доступа языка к действительности.

В-пятых, связанное с языком познание как социальный феномен [Mauthner 1982, 1: 30–31] всегда вписано в систему жизненных отношений людей и обладает историческим характером. Маутнер подчеркивает, что основывающееся на памяти знание «есть вера, есть традиция» [Mauthner 1982, 1: 36]. Поэтому «существуют различные привычки мышления, так же, как есть различные привычки говорить» [Mauthner 1982, 1: 638].

В-шестых, языковые знаки служат не для обозначения конкретных вещей, а для обозначения свойств, состояний, процессов и отношений вещей друг к другу [Mauthner 1982, 1: 74]. Отсюда видно, что Маутнер придерживается номиналистической точки зрения, согласно которой язык отображает не действительную структуру мира, а систему представлений о нем. Как он считает, только с наивных догматических позиций понятийного реализма можно думать, что познание полностью соответствует действительности, что мышление адекватно ее отображает.⁷

По собственному признанию Маутнера, развиваемое им учение можно обозначить как «nominalismus redivivus» [Mauthner 1982, 3: 611]. В отличие от схоластического номинализма оно исходит из того, что базис для формирования образа мира предоставляют «случайные» органы чувств, и учитывает исторический характер языка.

Доказывая правоту своей номиналистической точки зрения, Маутнер разрабатывает следующую схему: в основе формирования представлений о мире лежат три когнитивные категории — существительное, прилагательное и глагол, которым соответствуют три образа мира — «субстантивный», «адъективный» и «вербальный».⁸ «Адъективный мир» — это мир непосредственного чувственного восприятия.⁹ Это «точечный» или дискретный мир отрывочных впечатлений, который является генетически первичным по отношению к субстантивному и вербальному мирам. Поскольку все чувственные данные являются по своей природе адъективными, то можно заключить, что «адъективная» картина мира коррелирует с существующей независимо от человека внешней действительностью. Свое отражение эта картина находит прежде всего в разговорном языке: в описании свойств и качеств («холодный», «острый», «красный»), в высказывании ценностных суждений («хороший», «полезный»).

В «вербальном мире» происходит упорядочивание адъективного мира за счет связывания отдельных чувственных ощущений друг с другом. Вербаль-

⁶ Определение взято у: Kühn 1975: 65.

⁷ К критике понятийного реализма: Mauthner 1982, 1: 686–687.

⁸ F. Mauthner, Die drei Bilder der Welt. Erlangen. 1925. S. 9.

⁹ F. Mauthner, Wörterbuch der Philosophie. Bd. 1. Leipzig. 1923. S. 18.

ный мир представляет собой мир причинности, целей, намерений, желаний, целерациональных действий и т. д. [Mauthner 1925: 26].¹⁰ В отличие от адъективного мира пассивного восприятия, это мир, руководимый волей, мир движения, становления, изменений и конструирования отношений. Язык этого мира – преимущественно язык объяснения.

«Субстантивный мир» образуется в результате «удвоения» языком адъективного мира за счет субстантивирования прилагательных, описывающих чувственные восприятия [Mauthner 1925: 27]. Это тот же самый адъективный мир, «понятый еще раз с позиций гипотезы о вещности (Dinglichkeit)» [Mauthner 1923: 17]. Субстантивный мир – это статичный мир пространства и бытия, «мнимый», не существующий в реальности, а возникающий за счет проекции присущих языку пространственных отношений вовне. Субстантивный мир – это и мир персонифицированных сил и причин первобытного человека и мир вещей человека современного [Mauthner 1925: 54 и далее]. Примерами субстантивного мира являются прежде всего мифология и метафизика.

Из вышесказанного следует, что адъективный мир – это мир опыта, субстантивный мир – мир бытия, и вербальный мир – мир становления. Причем все три мира представляют собой различные картины одной и той же внешней реальности, которые образуются в зависимости от того, на что направлено внимание познающего субъекта [Mauthner 1924: 364]. Существенным свойством всех возможных отображений внешнего мира является их символический характер: и чувственно воспринимаемые вещи, представления о которых формируются при помощи адъективов, и обозначающие их существительные суть только символы [Mauthner 1925: 35 и далее, 77 и далее]. За любой вещь-символом мира человеческого опыта стоит реальная, но непознаваемая «вещь-в-себе».

С точки зрения языка данным картинам мира можно найти соответствия в виде языка искусства (для адъективного мира), языка мистики (для субстантивного) и языка науки (для вербального), которые должны взаимно дополнять друг друга [Mauthner 1924: 366].

С точки зрения познания с ними коррелируют три науки: онтология – с субстантивным миром [Mauthner 1925: 77 и далее], естественные науки и, прежде всего, физика – с адъективным [Mauthner 1925: 55, 74], физиология, задача которой, по мнению Маутнера, состоит в исследовании возможности истинного познания при помощи субстантивных и адъективных наук – с вербальным. Здесь важно отметить, что поскольку предметом изучения каждой из выделенных наук является один и тот же мир, то «три наших науки, наука субстантива, адъектива и вербума – онтология, физика и физиология – не различаются между собой по их предметам» [Mauthner 1925: 82]. Различие между ними состоит в способах организации и интерпретации материала.

Характер и основные принципы человеческого познания. Критический анализ особенностей языка и связанного с ним познания приводит Маутнера к следующему выводу: «Наше наблюдение не может выйти за границы мира явлений, познание должно остановиться перед действительностью и навечно передать действительность вере [...] Все, что мы наблюдаем, собираем и

¹⁰ Ср.: F. Mauthner, Wörterbuch der Philosophie. Bd. 3. Leipzig. 1924. S. 360.

упорядочиваем под названием наука, всегда есть только мир явлений» [Mauthner 1982, 1: 679–680]. Другими словами, имеющийся у человечества образ мира представляет собой «чистый символ» [Mauthner 1982, 1: 691].

Характерными чертами человеческого познания оказываются его «антропоморфность», «условность», «обусловленность традицией» [Mauthner 1982, 1: 31]. Поскольку мир человеческого знания представляет собой структуру, существующую параллельно внешнему миру, не имеющую к нему прямого отношения и являющуюся всего лишь его субъективным отражением, то он функционирует по собственным законам, которые человек привносит в природу.

Так, законы естественных и гуманитарных наук Маутнер считает «социальным явлением, естественными правилами общественной игры человеческого познания мира, они суть поэтика *fable convenue* или знания» [Mauthner 1982, 1: 35]. Всеобщность научных законов объясняется тем, что «наши пять или шесть случайных органов чувств благодаря наследственности являются одинаковыми у всех людей» [Mauthner 1982, 1: 35, ср. 417]. Это допущение обосновывает также «общность или социальный характер мышления» или объективность, под которой в данном случае понимается общезначимость познания.

Несмотря на то, что познание неспособно проникнуть за границу мира явлений, оно сохраняет в качестве своей необходимой предпосылки понятие о внешнем мире, существующем независимо от людей. Маутнер характеризует его как «мироконституирующее» (*weltbauende*) [Mauthner 1982, 1: 181–182]. Особенность данного принципа познания состоит в том, что допущение существования внешней реальности воспринимается всеми в качестве само собой разумеющейся очевидности, хотя при этом оно не является доказанным. Уверенность в существовании внешнего мира возникает вследствие того, что оно «непрерывно доказывается» в ходе «бесконечных экспериментов» по его практическому освоению.

Следующим фундаментальным принципом, методологически обосновывающим процесс познания, является понятие причинности. Представляя собой важнейший познавательный инструмент, оно также является не строго доказанным положением, а скорее гипотезой, интуицией, убеждением, верой: «Древнейшая вера человечества, вера в действительный мир, совпадает с другим древним положением веры, которое мы пытаемся выдвинуть для науки: с верой в причинность, с верой в связь причины и следствия в природе» [Mauthner 1982, 1: 682; ср. 676–677]. Мир воспринимается человеком в целом как некое единство, он упорядочен посредством временных и причинно-следственных связей. Взаимосвязь между представлением о внешнем мире и организующей его причинностью можно проинтерпретировать следующим образом: поскольку уже «в основу самого простого восприятия действительности положена гипотеза причинности» [Mauthner 1982, 1: 237], то «понятие действительности есть образ для причины чувственных ощущений» [Mauthner 1982, 1: 676].

То, что причинность является необходимым принципом познания, доказывает, по мнению Маутнера, материалистический и антропоморфный характер последнего. К данному выводу он приходит, пытаясь вслед за Д. Юмом дать психологическое обоснование причинности. Согласно ему, понятие причины могло возникнуть благодаря индукции, т. е. либо вследствие того, что

«человек воспринял свою собственную волю в качестве реального основания своих действий и метафорически перенес это понятие как реальное основание на внешний мир», либо в силу того, что «человек ощутил одну мысль как основание познания другой и снова привнес это представление метафорически в действительность» [Mauthner 1982, 2: 703].

Еще одним важным принципом познания является понятие истины, которое, несмотря на неспособность науки к постижению истин, выступает в качестве регулятивной идеи: «Мы не обладаем истинным познанием, но мы знаем точно, что есть истина, без которой познание не имеет никакой ценности» [Mauthner 1982, 1: 693]. Сохраняя понятие истины в своей теории познания, Маутнер значительно модернизирует его. Поскольку мир явлений, который творит наука, и реальный мир-в-себе противостоят друг другу как две параллельные структуры, то классическая теория истины, базирующаяся на соответствии «речей и вещей», утрачивает свое значение. Поэтому «не остается ничего иного, как рассматривать истину в виде согласованности наших идей и предложений друг с другом, как формальную истину» [Mauthner 1982, 1: 694]. Таким образом, в качестве критерия истины здесь выдвигается требование формальной непротиворечивости системы знания. Помимо этого, Маутнер отмечает еще один аспект истины: «Объективную истину можно искать только в языке, она есть не что иное, как общепринятое использование языка» [Mauthner 1982, 1: 695]. Данное утверждение можно проинтерпретировать в том смысле, что решение об истинности высказывания принимается на основе консенсуса. Тем самым он вносит свой вклад в разработку теории истины как консенсуса.

Задачи познания по отношению к мышлению и языку. Центральным объектом критики познания Маутнера является естественный язык. Его функции разнообразны и разнонаправлены: с одной стороны, он является активным инструментом познания, но при этом уводит познание прочь от истины; с другой — аккумулирует и традирует знания, но всегда дает лишь картину действительности, не совпадающую с самой действительностью, причем данный разрыв оказывается непреодолимым. Это вызывает амбивалентное отношение к языку: он «является нам в зависимости от нашей точки зрения полезным или вредным; полезным, если мы хотим с его помощью ориентироваться в знании мира, которое получаем одновременно с языком; вредным, как только нас переполняет тоска из-за невозможности выйти за пределы этой ориентации к объективному познанию» [Mauthner 1982, 1: 80].

Однако в ограниченности познания виноват не язык, который, согласно Маутнеру, сам не производит знаний, а продуцирующее знания мышление. «Мышление есть то, что, как плохое платье, плохо подходит действительному миру; язык отличается от мышления так же мало, как материал, из которого сшита юбка, отличается от юбки. Если юбка плохо сидит, то виноват не материал» [Mauthner 1982, 1: 193]. Поскольку «погрешностями страдает отношение между мышлением и действительностью, а не между языком и мышлением» [Mauthner 1982, 1: 193–194; ср. 209], то «нужно возводить мост не между языком и мышлением, а между мышлением и действительностью». Таким образом, на повестку дня выступает задача исследования мышления, которой должна заняться психология.

Одной из ведущих и традиционно сохраняющихся философских проблем психологии является проблема отношения души и тела. Эта проблема имеет также важное значение для теории познания, поскольку ее решение смогло бы прояснить взаимосвязь между миром человеческих представлений и миром-в-себе. Решение данного вопроса до сих пор не было найдено, а поиск его затруднялся, как считает Маутнер, тем, что психология не сумела разработать соответствующую терминологию для описания внутренних душевных процессов. Обыденный язык, которым она пользуется, не позволяет адекватно отразить ни результаты самонаблюдений, ни других психологических экспериментов [Mauthner 1982, 1: 236; ср. 320 и далее]. Только критика языка могла бы, по его мнению, помочь заложить начальный фундамент для будущей психологии.

В качестве капитуляции перед властью языка Маутнер расценивает использование концепции «параллелизма» для объяснения проблемы отношения души и тела. В силу своей неспособности объяснить «то единство, которое существует между действительным миром как нашим психологическим переживанием и работой познания как нашей психологической жизнью», она ведет к «удвоению мира» и рассматривает его или как жизнь, или как переживание [Mauthner 1982, 1: 240; ср. 250 и далее; 278–279]. Другими словами, вместо того, чтобы исследовать взаимоотношения между телом и душой или между мозгом и мышлением, параллелизм возвращает к полусхоластическому дуализму — он вынуждает признавать существование двух непересекающихся миров — материального и духовного, «которые в принципе являются идентичными» [Mauthner 1982, 1: 250].

Сам Маутнер склоняется к натуралистическому толкованию процессов мышления и речи. Он пишет: «Если бы мы могли объяснить наше мышление на основании психологии мозга, то мы сделали бы наш дух механистическим. Мы этого не можем, но такое механистическое мировоззрение было бы по крайней мере ясным и логичным в смысле нашего материалистического языка. Однако нашему языку, нашему мышлению, нашей сущности противоречит то, что причины, которые нам неизвестны и которые мы просто не в состоянии материалистически осмыслить, мы называем духовными силами» [Mauthner 1982, 1: 636]. В другом месте он утверждает, что «духовное в языке, значение звуков слова, является психологическим только постольку, поскольку под психологией мы понимаем все еще неизвестную нам физиологию мозга» [Mauthner 1982, 2: 7]. Тем самым он предвосхищает эпоху нейро-физиологических исследований мозга, нацеленных на объяснение феномена значения.

Язык между герменевтикой и прагматикой. В качестве основных антропологических характеристик человека, тематизируемых Маутнером, является его целенаправленная активность и укорененность в определенной культурно-исторической ситуации: «только благодаря своим устремленным в будущее целям и своим направленным в прошлое воспоминаниям» [Mauthner 1982, 1: 670] человек связан с миром. Обе эти его родовые особенности находят свое отражение как в языке, так и в обусловленном им мышлении. Это позволяет утверждать, что язык и мышление существуют одновременно в двух измерениях: герменевтическом и прагматическом. По словам Маут-

нера: «Наше мышление есть непостижимый посредник между нашим восприятием мира и нашим действием» [Mauthner 1982, 1: 648].

Герменевтическое измерение языка формирует пространственно-временной топос человека. В данном отношении важнейшими являются следующие его функции: во-первых, способность хранить и транслировать знания: «Отдельный человек вместе с языком за несколько лет выучивает опыт столетий или тысячелетий» [Mauthner 1982, 1: 71]. Здесь важно отметить, что именно язык доставляет человеку первичное знание, оказывающееся фундаментом для последующего познания мира.

Во-вторых, язык принимает участие в категоризации опыта. Согласно Маутнеру, чувственные данные предоставляют лишь сырой и неупорядоченный материал, который для создания представлений должен быть обработан посредством сознания. При его обработке — запоминании, упорядочивании, назывании, воспроизведении и т. д. — подключается память, интерсубъективным выражением которой является язык. В этом процессе «субъективная» память отдельного человека использует информацию, содержащуюся в «объективной памяти» народа [Mauthner 1982, 1: 417], и тем самым язык структурирует содержание опыта.

В-третьих, язык в качестве одного из факторов познания задает направление познавательным процессам и обуславливает их особенности: «Для нас между языком и познанием могут существовать только легко нюансированные различия. Оба суть память, оба суть традиция» [Mauthner 1982, 1: 31; ср. 29]. Именно «социальный» характер познания, признание того, что в известной мере «Society is prior to man» [Mauthner 1982, 1: 33], вызывают его контекстуальность, вписанность в социально-культурную среду.

Прагматическое измерение отвечает за развитие познания. Ведущую роль здесь играет рассудок, продуцирующий новые знания за счет «чистого мышления» и использующий имеющийся язык лишь для того, чтобы их фиксировать, выражать и передавать. Осуществляясь всегда в рамках предоставляемого языком «горизонта», познание одновременно раздвигает его. «Человек пытается при помощи языка охотиться за мыслями, как он при помощи собак охотится за зайцами» [Mauthner 1982, 1: 650], в ходе этой охоты язык сам претерпевает значительные превращения. Когда новое наблюдение или открытие связывается со старым словом, происходит «обогащение языка» [Mauthner 1982, 1: 195]. Таким образом, согласно Маутнеру, именно прагматика приводит к изменению семантики слов и значений понятий.

Отношения между герменевтическим и прагматическим измерениями языка можно представить как отношения между познающим индивидуумом и социумом, к которому он принадлежит. Маутнер описывает их следующим образом: «гениальный индивидуум своего племени или своего общества всегда оказывается впереди них на дифференциал мышления, но племя или общество по сравнению со своими индивидуумами всегда оказывается впереди на дифференциал понятия, ценностного суждения, короче говоря, общепринятого знания» [Mauthner 1982, 1: 34]. В другом месте он замечает, что язык всегда несколько отстает от познания [Mauthner 1982, 1: 72], никогда не удовлетворяет полностью запросам времени, что вызывает у ученых и философов стремление хотя бы частично высвободиться из сети старых категорий

[Mauthner 1982, 1: 79]. Здесь важно подчеркнуть актуальность предлагаемой Маутнером схемы познавательного прогресса, который он представляет как процесс изменения содержания понятий, имеющий место в результате постоянного взаимообмена между научным познанием и познанием, приобретаемым вместе с языком. Данная схема развития знания утвердилась в современной лингвистической философии.

Коммуникативные аспекты языка. Коммуникация представляет собой важнейший аспект функционирования языка. Одной из целей его коммуникативного использования является установление взаимопонимания. Анализ того, каким образом это достигается, находится в центре интересов Маутнера. Как он полагает, необходимым условием взаимопонимания является придание словам и предложениям одного и того же смысла как со стороны говорящего, так и со стороны слушающего. Однако выполнение этого условия затруднено в силу многих обстоятельств, и прежде всего благодаря принципиальной многозначности слов естественного языка. Невозможность справиться с этой задачей чисто лингвистическими средствами требует подключения дополнительных средств.

Один из эффективных способов уточнения значения слов состоит в учете конкретной ситуации их использования. «Сопутствующие обстоятельства» (*begleitende Umstände*) внелингвистического характера играют в таком случае вспомогательную роль [Mauthner 1982, 3: 209]. Маутнер выделяет три типа ситуаций, в значительной мере задающих значение слов и выражений для участников коммуникации: «ситуацию созерцания», т. е. непосредственного наблюдения, «ситуацию воспоминания» и «ситуацию интереса», которая лежит в основании формирования представлений о действительности [Mauthner 1982, 3: 229–230].

Однако понимание даже в рамках конкретной ситуации возможно при наличии определенных дополнительных условий. К таким условиям относится в первую очередь наличие «единства сознания» [Mauthner 1982, 3: 232] или сходства «душевной ситуации», т. е. «мировоззрения» [Mauthner 1982, 3: 233]. Мировоззрение включает в себя не только знания, а зависит также от «габитуса отдельного человека», «от его физиологического строения (*Komplexion*)», от влияния на него «господствующих идей времени, т. е. от его предразсудков» [Там же]. Таким образом, способности, воспитание, образование представляют собой, согласно Маутнеру, факторы, воздействующие на процесс понимания.

Кроме того, любой народ и любое время характеризуются своей особой «культурной ситуацией». При этом чем более схожи между собой культурные ситуации говорящего и слушающего, тем легче достигается между ними взаимопонимание. «Чем более неодинаковой является душевная ситуация между двумя людьми, тем педантичнее должны выполняться все требования грамматики» [Mauthner 1982, 3: 235], тем более корректно должен использоваться язык. Трудности при создании общей для говорящего и слушающего ситуации возрастают как с временным или пространственным удалением предмета речи, так и с увеличением его сложности. Это затрудняет понимание прошлых эпох и чуждых культур [Mauthner 1982, 3: 234] и сложных предметов разговора. К одной из причин взаимного непонимания людей, принад-

лежащих к различным историческим эпохам, «относится прежде всего постепенный рост слов, т. е. история каждого языка» [Mauthner 1982, 1: 49]. Таким образом, если важнейший аспект интерактивного языкового действия, а именно одинаковое понимание ситуации, оказывается исключенным, то язык перестает функционировать как средство коммуникации.

Следующим важнейшим условием установления взаимопонимания является знание того, что значение речевых актов выводится не только на основании используемых языковых средств, но и определяется психологическим состоянием участников разговора. Маутнер переосмысливает и вводит в научный оборот понятия о «психологическом субъекте» и «психологическом предикате», которые устанавливаются «в зависимости от намерений говорящего и знания дела слушающего» [Mauthner 1982, 3: 237]. Психологический субъект дефинируется им как сумма представлений, которые возникают в момент речи у говорящего и слушающего в зависимости от их уровня владения языком и уровня их общих знаний. Этот психологический субъект характеризуется подвижностью и неопределенностью: он изменяется «от слова к слову», является различным для говорящего и слушающего, также для него «все равно, к каким так называемым частям речи он будет отнесен грамматикой» [Mauthner 1982, 3: 255].

Необходимость изобретения этого «невывыказываемого, туманного» субъекта была вызвана стремлением выйти из затруднения, состоящего в том, что «во многих порядках слов и конструкциях предложений грамматика слишком резко противоречила психологическому процессу». [Mauthner 1982, 3: 254]. Таким образом, Маутнер подчеркивает, что «не слова языка сообщают нам понимание мира, а наша индивидуальная ориентация в мире дает нам понимание слов и предложений» [Mauthner 1982, 3: 243]. Как он полагает, «конвенциональные формы синтаксиса суть только малое подспорье для памяти; все правила следования слов, все временные, условные, причинные и т. д. союзы только ускоряют ориентировку; в конце концов слушатель должен присоединить решающие слова к образу ситуации на основании своего опыта» [Mauthner 1982, 3: 238].

Индивидуальный опыт участников коммуникации, их мотивы, интересы суть факторы, облегчающие или затрудняющие понимание языка, способствующие или препятствующие коммуникативному процессу: «Мы отгадываем смысл слов — правильно или ложно — в зависимости от нашего опыта, мы отгадываем смысл деятельности — правильно или ложно — в зависимости от нашего понятия целесообразности и нашего интереса, мы отгадываем смысл природных процессов метафорически на основании понятия причины, которое мы заинтересованно вкладываем в происходящее» [Mauthner 1982, 3: 251].

Язык как объект и субъект философского исследования. Все человеческое познание протекает «в» и «при помощи» языка и само, в сущности, оказывается языком: «Мы не обладаем никаким другим инструментом познания, кроме языка» [Mauthner 1982, 3: X]. При этом естественные науки меньше связаны с языком, гуманитарные больше. Среди последних особое положение занимает философия, для которой язык служит не только инструментом, но и предметом исследования или, по словам Маутнера, он предстает «одновременно субъектом и объектом» [Mauthner 1982, 1: 704].

Специфическая сложность философского познания заключается в постоянном изменении языка. Уже на уровне идиолекта он обнаруживает широкую вариативность, причем о модификации языка можно говорить не только по отношению к различным идиолектам, но и по отношению к одному и тому же идиолекту. Ярким примером является отличие языка ребенка от языка взрослого человека. Маутнер связывает изменчивость идиолекта индивидуума с особенностями памяти — ее селективностью, ассоциативностью, привычками. Поскольку «язык всегда есть только воспоминание о прежних чувственных впечатлениях; его нигде и никогда нельзя употреблять, не изменяя значений слов, для описания нового наблюдения» [Mauthner 1982, 1: 210].

Кроме того, постоянное развитие языка, а значит, изменение семантики слов, вызывается его неразрывной связью с познанием: «Не существует ни одного слова в новом языке или мировоззрении, которое не имело бы своей нестираемой истории, которое не имело бы консервативного, устаревшего, религиозного смысла» [Mauthner 1982, 1: 173–174]. И, наконец, метафорическая природа языка отвечает за его принципиальную многозначность, так что можно сказать, что практически не существует слов с одним единственным значением.

Нестабильность языковых значений, их многозначность и проч. предъявляют особые требования к философии. Если она хочет быть наукой, а не догмой и не «религией», то она должна быть открыта для новых знаний и постоянно подвергать ревизии свой собственный терминологический аппарат. Таким образом, традиционному пониманию философии как «закрытой системы» абсолютного знания Маутнер противопоставляет философию как критическое исследование языка, которое «может помочь нам достичь некоторой ясности о нашем собственном мировоззрении» [Mauthner 1982, 1: 173–174].

Согласно ему, «философия по отношению к организму языка или человеческого духа не может делать больше, чем врач по отношению к физиологическому организму; она может внимательно наблюдать и давать названия событиям» [Mauthner 1982, 1: 705]. Тем самым она должна заняться прежде всего терапевтической деятельностью, нацеленной на прояснение смысла понятий. На этом пути философия обнаруживает свой двойственный характер: будучи самопознанием человеческого духа, она одновременно является «границей самого языка, граничным понятием, *limes*: критикой языка, человеческого языка» [Mauthner 1982, 3 X].

Заключение. Обвинительный приговор, который Маутнер выносит языку, включает в себя следующие пункты: 1. Язык непригоден в качестве средства общения, «потому что слова являются воспоминаниями, а два человека никогда не имеют одинаковых воспоминаний». 2. Язык непригоден в качестве средства познания, так как «каждое отдельное слово окружено (*umschwebt*) коннотациями (*Nebentönen*) своей истории». 3. Язык непригоден для «проникновения в сущность действительности», поскольку слова являются только «знаками воспоминаний» о чувственных ощущениях, а человеческие органы чувств являются «случайными» по своему происхождению и воспринимают лишь им доступную часть действительности, так что человек знает о мире не больше, чем «паук о дворце, в эркере которого он сплел свою сеть».

Вся история философии представляется Маутнеру как движение между двумя полюсами — от «дикого отчаяния» к «счастью спокойной иллюзии». Единственно возможный выход из трагической для познающего субъекта ситуации он видит в обретении «спокойного отчаяния», в состоянии которого человек может прояснить свое отношение к миру при условии «отказа от самообмана, признания, что слово не помогает» и основываясь на «критике языка и его истории» [Mauthner 1982, 3: 641], которые смогут отделить «годные к употреблению понятия» от «мнимых».

Именно благодаря запасу позитивных идей критика языка Маутнера выжила, несмотря на то, что долгое время она сохранялась только «как муха в янтаре».¹¹ Еще в 1914 г. его работы были оценены как «революция в философии», при этом отмечалась не только их заслуга в освобождении философии от метафизики и догматической онтологии, но и в обосновании критики языка как нового философского метода.¹²

Особое значение философии языка Маутнера усматривают в том, что она повлияла на идейное развитие Л. Витгенштейна, о чем свидетельствует знаменитое высказывание 4. 0031 «Логико-философского трактата».¹³ Э. Лейнфеллнер-Рупертсбергер проводит следующие параллели между концепциями этих философов: философия или, по крайней мере, теория познания понимается в них как позитивистская критика языка; границы языка суть границы мира; философия не должна создавать систем; язык можно идентифицировать с мышлением; язык живет только благодаря его использованию; логика должна исследовать язык; язык есть собрание «дуальных» языков как категорий языковой игры по определенным правилам; желание понять язык требует учитывать как языковые, так и внеязыковые контексты [Leinfellner-Rupertsberger 1992: 508]. Несмотря на то, что на основании приведенных совпадений нельзя однозначно судить о том, насколько хорошо Витгенштейну были известны труды предшественника, можно, по крайней мере, сказать, что Маутнер предвосхитил многие его открытия.

Внимательное прочтение работ Маутнера с позиций сегодняшних знаний позволяет обнаружить, что в рамках своей «критики языка» он успел высказать соображения практически по всем ключевым проблемам философии языка: они затрагивают и теорию речевых актов, и когнитивную семантику, и герменевтику, и логику. Однако, к сожалению, его обширное наследие все еще ждет своих исследователей.

¹¹ Выражение Л. Лютехауза: L. Lütchehaus, «Im Anfang war das Wort, und Gott war ein Wort»: Sprachkritik bei F. Mauthner und Goethe, in: Henne 2000: 20.

¹² M. Krieg, F. Mauthners Kritik der Sprache. Eine Revolution der Philosophie. München. 1914.

¹³ В этом высказывании утверждается, что «вся философия есть “критика языка” (правда, не в смысле Маутнера. — М.С.)».